

Журнал Пионер

№7 за 1988 год

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №7 за 1988 год / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44483-5

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44483-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

кричать, что я больше не буду и чтобы она меня выпустила.

— Завтра родителей в школу. — Она сказала это тихо и как-то устало, повернулась и пошла прочь.

Господи, почему мне было тогда так стыдно? Ведь я же был не виноват, совсем не виноват!

Вся голова у меня будто бы была в этой пене. Я отплевывался, фыркал, искал на ощупь кран с холодной водой, чтобы смыть ее, — и не мог.

— Привет, Быстров! — вдруг отчетливо произнесла над самым ухом Уганда.

Оказывается, я уже давно не сидел в ванне, а — вымытый и чистый, с вихрами и в новой рубашке — стоял навтыжку перед Угандой в милицеской форме.

— Признаться, Быстров, тебе ведь было приятно тогда, в третьем классе, когда ты нашел на перемене этот похабный стишок с рисунком? — спросила Уганда, медленно и отчетливо выговаривая слова.

Я молчал.

— Признаться, Быстров, тебе было очень приятно...

— Нет, — наконец не выдержал я. — Мне было противно.

— Нет, тебе было приятно! — взвизгнула Уганда. — И я, как председатель совета отряда, заставляю тебя в этом признаться! Заставлю! Заставлю! Заставлю!...

— Уйди, Уганда, — глухо сказал я и сам пошел прочь.

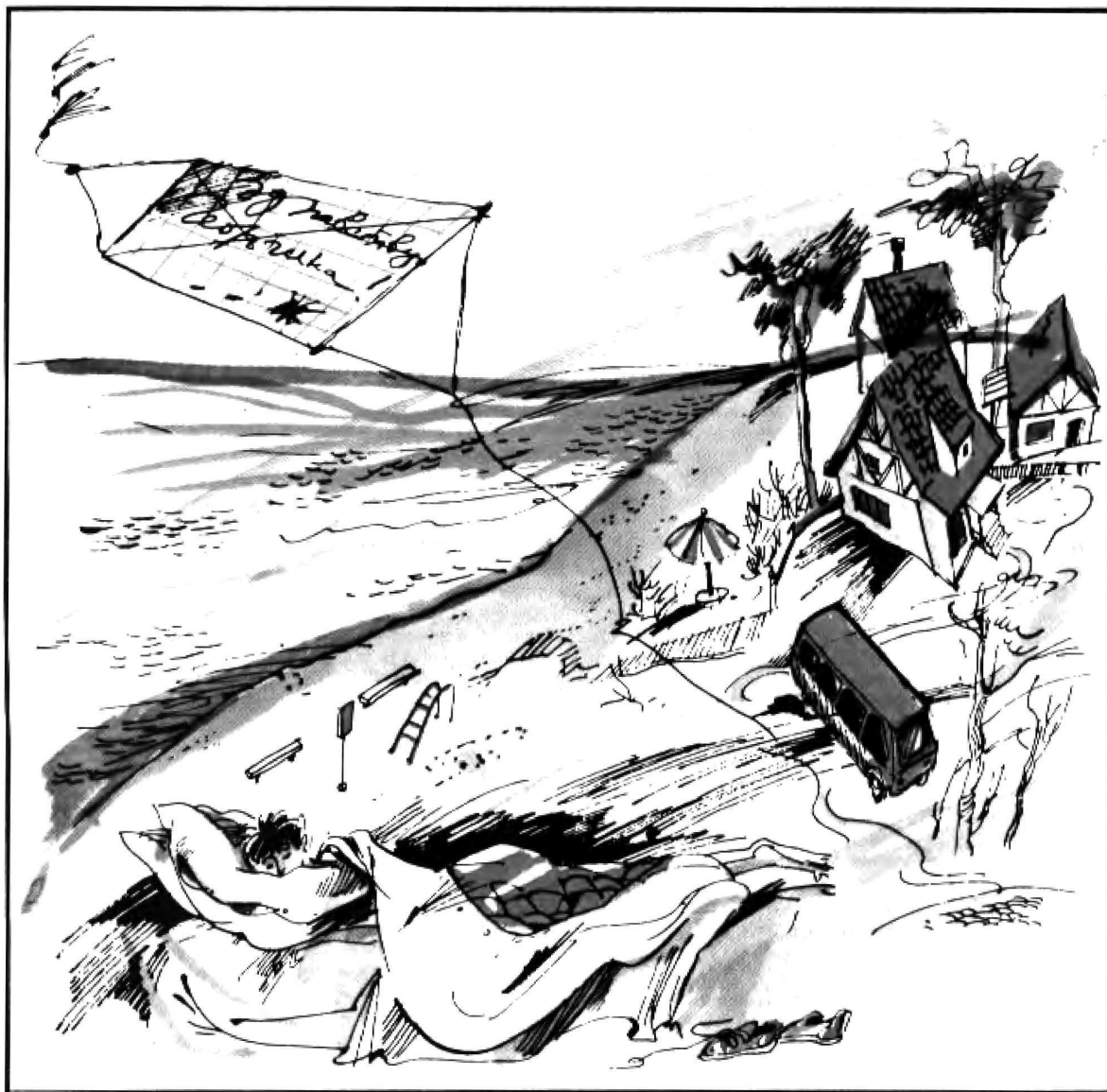
Я шел по улице, над которой, медленно кружась в воздухе, падал не то снег, не то хлопья мыльной пены, и думал про нее, про Уганду.

Когда она стала такой? А черт ее знает. Что вообще происходит с этими девчонками — непонятно.

Черт его знает, сон это был или не сон, иногда мне казалось, что я просто лежу на кровати, смотрю в потолок, и из окна идет голубой неяркий свет, а я все лежу и вспоминаю, лежу и вспоминаю...

Никогда еще я не вспоминал свою жизнь в таких количествах.

Я вспоминал свои старые обиды и страхи, и они,

так же как и те воскресенья, оказывались вдруг близко-близко, я был здесь, в своей комнате, на кровати, но в то же время я бродил там, в этих днях, которые, как поезд, проносились передо мной, и в окнах поезда сидели все одни и те же люди — я, Иван, Леха, мать с отцом и еще другие.

А вот и вправду поезд, мы едем на север, в Прибалтику, туда, где растут сосны, светит неяркое солнышко, шумит море, ходят красиво одетые люди и вместо русских слов везде написаны нерусские...

Я лежу на верхней полке, и надо мной впервые в жизни так близко потолок, я смотрю на него и думаю: вот мы едем, а что там, впереди, что это за Прибалтика, совершенно неизвестно и непонятно. И от этих мыслей, и от каких-то других мне так грустно, но я не могу ничего сказать, потому что мать внизу, где-то далеко, и потолок вагона надвигается на меня — все ближе, ближе...

И вдруг я увидел Георгину.

Я встретил ее там, в Прибалтике, в маленьком городке, куда мы тогда на этом странном поезде приехали. Это был очень уютный городок, в нем все было уютно и немножко сказочно, хотя по чистым асфальтовым дорожкам, и по чистой траве, и по рыжким иголкам между сосен ходили вовсе не сказочные отдыхающие с полотенцами и в резиновых шлепанцах, с газетами в руках и с кулечками малины, которую продавали местные тети. И во всех урнах лежали эти старые газеты, разрезанные на кусочки и заляпанные малиной.

Однако это был вовсе не тот город, и я это понял, когда увидел там Георгину.

Она куда-то шла, наверное, купаться... У меня перехватило дыхание, так как я ее сразу узнал и никак не мог догадаться, знает ли она меня или нет, я примостился за какой-то сосной и стал смотреть, как она идет.

Георгина уже была довольно взрослая, в какой-то модной куртке, черноволосая, смуглая, с синими глазами, с острым носиком, на ней еще было жутко красивое платье, а ноги в модных кроссовках с белыми гольфиками. «Во дает!» — подумал я, и дыхание у меня перехватило еще больше.

Георгина уходила дальше, туда, где сосны раступались и начиналось море. Я решил, что она действительно идет купаться, и обрадовался. Может, я решил, что поплыву за ней и прямо там, как бы между прочим, познакомлюсь. Но вдруг я увидел маленький домик, огороженный металлической сеткой. Напротив домика, на небольшой асфальтовой площадке стоял яркий автобус, в нем сидели ребята в спортивных костюмах, зеленого такого цвета. Георгина тоже села в автобус, и ребята приветливо замахали ей руками со своих мест, заулыбались, приглашая присесть рядом.

— Это команда по неизвестному в нашей стране виду спорта. Они приехали обмениваться опытом, — сказал кто-то рядом со мной четким голосом радиодиктора. Но я почему-то не стал оглядываться и смотреть, кто это, почему-то мне это было неинтересно.

Я сидел около сосен на желтых, высохших иголках и смотрел в окно автобуса на Георгину. Она с кем-то там, в автобусе, разговаривала и смеялась. Рядом со мной сидели другие люди, мы расположились здесь, как будто в цирке. Мне было неудобно: иностранцев, что ли, никогда не видели, но люди так же внимательно, как и я, смотрели на Георгину.

«Пускай смотрят», — решил я и опять взгля-

нул на автобус. Но там Георгины уже не было.

Она стояла на крыше автобуса, задрал голову, очень прямая, в майке, трусиках, гольфах и кроссовках.

Потом она взмахнула руками, и... Дальше я полетел, но как будто не сам, а вместе с Георгиной: сначала над соснами, потом выше, потом чуть не упал вместе с ней на какую-то крышу, потом сделал крутой, длинный вираж в сторону моря...

«Ну ладно, хватит», — резко подумал я и проснулся. — Надоело».

Мне совсем не хотелось спать.

Тогда я стал мысленно разговаривать с Иваном.

— Понимаешь, Иван, — сказал я ему тихо, но убежденно, — ты зря смеешься над ней. Она нормальная девчонка, хотя и член сборной команды по свободному полету. Другая бы на ее месте была бы вообще как цуп земли, а она ничего...

«Ничего — пустое место», — пронеслось у меня в голове.

И тут я опять куда-то соскользнул...

Мы опять были в том же самом городке. Только теперь мы не летали, а просто сидели на пляже — вдвоем, с Иваном. Сидели мы молча, просто смотрели на море, и все. И было непонятно, то ли мы уже познакомились с Георгиной, то ли просто сидим рядом. Иван все время ухмылялся и строил мне рожи, ну что, мол, как? А я делал вид, что всего этого не замечаю, и старался попасть взглядом туда, куда не отрываясь смотрела Георгина.

И тут Иван сказал:

— Георгины на свадьбу не дарят.

Оказывается, это была свадьба. И женился не кто-нибудь, а я. На Георгине.

— Ну, полетели, что ли? — хмуро спросил Иван.

— Кто полетели? — испуганно спросил я Ивана.

— Не кто, а куда, — опять очень хмуро сказал Иван, — к тебе на свадьбу, балда гороховая. Меня правительство назначило к тебе на свадьбу посаженным отцом. Сейчас она нас всех повезет на буксире, и мы полетим тоже...

— А я тоже полечу? — спросил Леха.

— И ты тоже... — сказал Иван, встал и подошел к Георгине.

— Ну ладно, пока. Я потом приеду, когда все кончится, свадьба эта дурацкая... — сказал я и сам не понял, кому я это сказал. Оказалось, это были мои родители. Они тоже стояли здесь, в темноте. Тут же стояли и родители Лехи, и мать Ивана.

Это был какой-то холм, на нем рос редкий кустарник, а вокруг, в тумане, лежала большая зеленая долина, чуть дальше блестела река, и было очень красиво. Вот только холм был высокий, и из-за тумана не виден спуск, и вообще страшно ступить вперед, внизу земли не видно.

Я пожегся и тоже встал. Рядом стояли Иван с Георгиной. Леха торопливо подходил к нам.

И мы наконец полетели.

«Ну и сон», — подумал я, когда проснулся.

И начал собираться в школу.

В школу мне, понятное дело, идти не хотелось. Ни сегодня, ни завтра, ни вообще в ближайшее время.

Но я и так уже пропустил два дня.

По дороге ко мне привязался какой-то щенок — совершенно глупый: он кусал меня за ботинки, спотыкался и рычал.

Я не выдержал, сунул его в портфель и бросил мимо дежурной учительницы под отчаянную трель звонка...

К счастью, алгебры не было, урок оказался пустой. Шенок визгливо лаял на весь класс, вокруг сгрудились девочки, они передавали щенка из рук в руки, дышали в живот, хихикали и были, по моему, счастливы.

Я быстро списывал примеры, вполглаза подглядывая за ними. Никто не обращал на меня внимания. Только Уганда подошла и, как всегда подергивая плечами, спросила:

— Быстров, как его зовут?

Не отрывая глаз от тетради, я ответил:

— Как хочешь, так и зови...

— Ну, а все-таки? — Голос постепенно перебирался на визг.

Я поднял голову. Она стояла очень близко — вытянутое вперед, удивленное личико, кудряшки и прямые, сжатые губы.

— Не знаю я, как его зовут, — почти прошептал я. — Я на улице его нашел.

— На улице? — глядя мне прямо в глаза, спросила Уганда. — А может, ты его НАРОЧНО принес?

Шенок вдруг залаял жалобным, почти плачущим голосом.

Я растолкал девчонок и выхватил его из рук Надьки Тарасовой, которая пыталась поставить

бедолагу на задние лапы. В коридоре было пусто, я быстро слетел по лестнице и ногой толкнул тяжелую школьную дверь.

— Я тебя не нарочно принес, — прошептал я. — Но все равно лучше тебе уйти.

Шенок, смешно переваливаясь, полез вниз по ступенькам. Потом неохотно затрусил к выходу. Я вдохнул побольше прохладного воздуха и пошел обратно в класс.

Последним уроком был русский, урок Веры Антоновны...

Урок кончился, и я, как нарочно, замешкался, остался с Верой почти один на один. Иван уже вышел, осталась только Ленка Семенова, она стояла над Верой, а та сидела за своим столом и что-то ей объясняла. Я попытался проскочить мимо них, но тут Ленка выбежала, а Вера Антоновна меня остановила.

Я шел к ней обратно от двери, и эти несколько шагов показались мне очень длинными. Я шел и думал: «Ну вот, вот сейчас я ей скажу!» Я ей скажу, что нехорошо читать чужие письма, что каждый имеет право думать, как он хочет, и писать друзьям письма об этом, даже если они новые друзья и живут не у нас в стране, а за рубежом,

что никакой я не враг, а самый обычный советский мальчик, что я...

Но она ровным голосом спросила:

— Ну как ты, Саша, себя чувствуешь? Получше?

И я кивнул. И все, она опять стала что-то писать. А я все стоял и не знал, что мне делать.

Я шел по улице и тупо смотрел себе под ноги. Я знал, что уже никогда не скажу Вере, не скажу то, что хотел ей сегодня сказать.

«НУ ЛАДНО,— подумал я,— НУ И ХОРОШО».

Пусть все скорей забудется.

И еще я был очень благодарен Вере Антоновне за то, что она ничего не сказала про письмо. Просто хоть беги обратно в школу и кричи с порога: «Большое вам спасибо, Вера Антоновна! КАКАЯ ВЫ ДОБРАЯ, ВЕРА АНТОНОВНА!»

...Это теперь я думаю по-другому. А тогда я шел и думал именно так — ДОБРАЯ.

...Мне очень хотелось, чтобы все поскорей кончилось.

И тут я встретил ее, давешнюю старуху. Она стояла на перекрестке и смотрела в мою сторону. Будто специально поджидала.

«Вот прицепилась»,— недовольно подумал я и решил свернуть куда-нибудь, но она уже семенила навстречу.

— Здравствуй,— сказала старуха.— Тебя, кажется, Саша зовут? Ты не очень занят?

Я пожал плечами, и она взяла меня за локоть и повела...

Я ничего не придумал, все так и было. Мне совершенно не хотелось никуда с ней идти, но я тупо шел, озирался, чтобы запомнить дорогу.

Мы промахнулись один квартал и вдруг свернули в какой-то двор. Двор был обычный, со сломанными качелями, с бельем на веревках, с гаражами, на железных дверях которых было нацарапано множество чьих-то имен, дат и глупых слов. Потом она взяла меня за рукав, и мы спустились по лестнице вниз, в подвал. Тут было темно и прохладно. Мы прошли по коридорчику. На одной двери было написано: «Техник-смотритель». На другой: «Паспортист». На третьей: «Бухгалтерия». И везде часы приема. Еще на стенах были развешаны всякие самодельные стенды, плакаты и другая ерунда. В общем, это был ЖЭК.

И тут мы попали в маленький зал с малюсенькой сценой, над которой висел грандиозный транспарант, а на самой сцене стоял стол, накрытый зеленой скатертью и с графином. Все как полагается, подумал я, хотя и не знал точно, как полагается.

— Ну вот,— сказала старуха,— мы первые. Садись. Сейчас все соберется.

И точно, прямо в ту же секунду хлопнула дверь, и в зал вошел маленький старичок в очень аккуратном черном костюме, в шляпе и с галстуком-бабочкой. Очень смешной, в общем, старичок. Он вежливо поздоровался со старухой и посмотрел на меня.

— Не волнуйтесь, Федор Иванович,— сказала моя старуха,— это мой приятель Александр, любитель и знаток театра.

Старичок кивнул и прошел дальше к сцене.

— Это наш режиссер,— шепнула старуха весело.

В зал вошли еще две старухи, чем-то неуловимо похожие на мою, хотя и совершенно другие: одна высокая, с тонким лицом, в огромной красной шали и с крашеными черными волосами. Другая кругленькая и веселая.

«Это что, такой специальный старушечий театр, что ли?»— подумал я испуганно. Но додумать я не успел, потому что старухи начали здороваться, трепать меня по волосам и говорить моей старухе что-то про молодого поклонника. Я не совсем понимал, о чем они говорили, потому что слова были вроде все знакомые, но сама речь — как будто чужая, иностранная.

А строгий старичок в это время читал какую-то книжку, быстро-быстро переворачивая страницы. Вся книжка была в закладки. Он все время ронял их и поднимал с пола.

Потом он захлопал в ладоши и закричал:

— Все, все! Разогрелись? Начали! Все помнят, все знают, что у нас?

И старухи быстро поднялись и пошли к сцене.

Моя старуха (ее звали Софья Наумовна, высокую старуху — Елена Петровна, а низенькую — Роза Александровна) села на стул. Две другие старухи встали по разные стороны от стула, а старик, режиссер, встал рядом со сценой.

Наконец, он нашел нужную страницу, взмахнул рукой, как дирижер, и высоким, театральным голосом произнес:

— Начали!

Софья Наумовна вдруг глубоко вздохнула и чистым, пронзительным голосом, так, что у меня мурашки побежали, почти запела:

— О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Маленькая старуха обняла мою и высокую, подвинула их ближе к краю сцены и чуть не плача, с блестящими глазами, тихо заговорила, очень тихо, но я все-таки услышал:

— Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О боже мой! Пройдет время...— И тут она действительно чуть не заплакала, но справилась и продолжала: — ...и мы уйдем, уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было.. Но...— Она стала как будто заикаться, она повернулась к моей старухе и заговорила прямо ей в лицо, а та стояла, облокотившись на спинку стула, и смотрела на маленькую весело и с улыбкой...— страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить,— и она вдруг взмахнула рукой в мою сторону, и обе старухи радостно закивали, а я покраснел и сел глубже,— после нас, счастье и мир настанут на земле и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена.— Маленькая подняла руку, как на митинге, и продолжала с поднятой рукой: — Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно («Тут будет музыка, мазурка»,— возбужденно шепнул режиссер в мою сторону), и кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!

— Тара... ра... бумбия... сижу на тумбе я... Все равно, все равно,— проговорил старик, и я чуть не треснул его за это. Не мог подождать со своей репликой!

— Если бы знать! — воскликнула маленькая в последний раз и упала на стул, тяжело дыша и помахивая платочком.

И тут я увидел, что все смотрят на меня. Смотрят внимательно и изучающе. Я встал неожиданно для себя и так же неожиданно сказал:

— Браво!

Дома я спросил маму, есть ли у нас Чехов. Мама ответила — нет. И спросила: «А что?» Я сказал, что хочу прочитать пьесу про трех сестер.

— Ну, это взрослая пьеса,— сказала мама.— А потом мы же с тобой по телевизору ее видели. Но вообще прочитай, конечно, она же у вас по программе, а все, между прочим, надо читать по первоисточникам.

— А что такое первоисточники, мама? — спросил я.

— Ну, это книги великих писателей, поэтов, философов, таких, как Ленин, Маркс, Гегель, Толстой, Достоевский, Пушкин.

— В общем, по программе? — спросил я.

— Ну, в общем, да, но не совсем... — ответила мама.

— Тогда я не понял,— упрямо сказал я.

— Ну вот, если бы ты прочитал «Три сестры» по хрестоматии, то и было бы по хрестоматии, а если всю целиком, то — по первоисточнику.

— Значит, по первоисточнику — это целиком?

— Да нет. По первоисточнику — это как бы из первых рук. Вот что такое по первоисточнику. В институте будешь учиться, тогда поймешь.

— Договорились! — Я вытряхнул из портфеля книжки и сел за стол.

Но сделать уроки я не успел. Мама открыла дверь и недовольно сказала, что меня к телефону. Если, когда я делаю уроки, звонят Иван или Леха, она просто говорит, что я сейчас не могу, такая у нее дурная привычка. Значит, это были не Иван и не Леха.

Оказалось, это была Петрищева.

— Саш, ты можешь сейчас выйти? — спросила она.

— А чего? — Я вдруг услышал, как тяжело и часто дышу.

— Ну, дело есть, поговорить надо... Саш, ну, пожалуйста, я тебя очень прошу, ну, на пять минут! — Голос у Уганды с каждой минутой становился все мягче и приторней.

— А что случилось-то?

— Ну, в общем, письмо я получила — после короткой паузы сказала Любка, — и там тебе привет.

— От кого?

— Ну, ты спустишься или нет? Я во дворе стою.— Любке надоело меня уговаривать, и теперь она говорила зло.

— Ладно.— Я положил трубку, натянул куртку и тихонько вышел, пока мать гремела на кухне посудой.

Ясно, что с приветом была какая-то туфта. Просто Уганде было от меня что-то нужно.

Ну и черт с ней. Пускай врет. Мне все равно.

— Здорово,— сказал я и огляделся: погода была серая, скучная, вот-вот начнет моросить. Потом я опять повернулся к Любке и покраснел: она, насмешливо улыбаясь, смотрела на меня. Не надо мне было отворачиваться, как будто мне все равно, что она пришла. Мне-то на самом деле не все равно, и это сразу заметно, так только хуже.

— Привет,— весело сказала она.— Пошли?

Куда, она не сказала, но я все равно пошел. Любка почему-то повела меня не в сторону улицы, а двором, туда, где были глухая кирпичная стена и длинный ряд гаражей. Мы повернули за какой-то гараж... и я ахнул. Почти все девчонки нашего класса были здесь! И еще стоял парень из восьмого. Он хмуро смотрел на меня и курил.

— Знакомьтесь,— Любка повернулась и показала на меня всей своей честной компании,— наш друг Александр Быстров!

Девчонки молчали. Их было здесь человек десять. Парня я не боялся, он был хотя и выше, но все равно один. Один на один можно. Это еще ничего, бывало и хуже.

Любка аккуратно перехватила юбку и села рядом со своими подружками — Надькой Тарасовой и Женькой Костроминой — на какую-то приступочку.

— Ну, и что это означает? — попытался спросить я по возможности уверенно, но голос у меня дрогнул.

— Да ничего... — ответила Любка, — хотим кое-что выяснить просто. Ты письмо писал своей Георгине?

«Так! — коротко мелькнуло у меня в голове. — Очень интересно».

— Писал,— сказал я.— А что тебе-то до этого? Какое тебе дело, Уганда? — Я хотел сказать это по возможности обиднее.

Вообще-то надо было сейчас же повернуться и уйти. А то получалось, что я играю в их дурацкую игру. А если бы попытались остановить...

Правда, девчонок я никогда еще не бил. И потом мне хотелось узнать, что они все-таки знают о моем письме.

— А что ты там писал? — в том же тоне продолжала допрашивать Любка.

— Какое твое дело? — заорал я и подошел к ней ближе, чтоб она испугалась. Но она не испугалась, а прищурилась и спросила:

— А про нас ты что там писал?

У меня что-то опять дрогнуло внутри, и я сказал:

— Что вы все дуры последние. А вы дуры и есть.

Неожиданно Женька Костромина ударила меня по ногам, и я упал. А Любка так же неожиданно захохотала.

Потом на меня навалился этот парень, их приятель. Он связал мне руки сзади какой-то веревкой, поставил и крепко схватил за плечи. Любка подбежала и дернула за волосы так, что слезы выступили на глазах. Она держала меня за волосы, а все девчонки по очереди подходили и били по щекам. Было не больно, а противно — до тошноты.

Я почувствовал, как текут слезы, и открыл глаза. Я увидел сквозь мокрую пелену лицо Любки и ее взгляд. Такой же пристальный, как тогда, на перемене.

Потом они меня бросили и ушли, а я еще целый час развязывался. Я очень устал, щеки у меня высохли, но горели сильно. Потом я поднялся и пошел. Уже совсем не хотелось плакать, я просто думал, что мне теперь делать.

И тут я увидел далеко, на нашем пустыре, огонек. И сразу побежал.

Но ближе к костру я остановился и начал медленно подходить.

Леха и Иван говорили про что-то смешное: голоса у них были веселые. Когда я услышал эти голоса, я опять не выдержал и заплакал. Нет, даже заревел в голос, как маленький.

Я помню, как Иван тряс меня и шептал:

— Ну, ты чего, Саня, Санек, ты чего? Тебя отец побил, да? Отец побил, говори?

А Леха стоял надо мной с беспомощно опущенными руками и пристально смотрел мне в лицо. Я чувствовал его взгляд.

...Жаль, что я не художник и не могу нарисовать картину под таким названием: «Вечер. Леха и Иван утешают побитого Сашу Быстрова». А то бы нарисовал, ведь каждый сантиметр этой картины я знаю наизусть.

Утром я чувствовал себя как-то странно — будто не узнавал ничего. Я ходил по комнате как лунатик и медленно собирал книжки. Книжки вроде были мои — география, русский, потом еще тетрадки, потом кеды на физкультуру, но я никак не мог понять: ЗАЧЕМ ОНИ МНЕ НУЖНЫ? ЧТО Я СОБИРАЮСЬ ДЕЛАТЬ?

Потом я вспомнил.

Вспомнил весь вчерашний день. Веру Антонову, старушечий театр, глаза Уганды, наш костерок...

Радио на кухне орало:

— АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ! АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ! МОЛЧИТ ТЕЛЕФО-О-О-ОН!..

Во дворе меня ждали Иван с Лехой.

— Очухался? — спросил Леха и толкнул меня в бок, а я его.

На душе вроде полегчало. Иван осведомился, делал ли я сегодня зарядку, а то лично он собирается нынче отловить того пацана, что держал меня вчера за гаражами, и маленько повоспитывать...

Я промолчал, хотя не очень поверил Ивану: парень был здоровый, и вряд ли бы мы с ним справились, даже втроем.

Мы вышли за угол, и солнце вдруг брызнуло в глаза, и показалось, что это воскресенье, третий класс, и мы идем не в школу, а смотреть мультики.

Но я не сказал об этом Ивану и Лехе.

...Планам Ивана не суждено было сбыться. И хорошо, наверное.

После уроков, которые я провел, тупо глядя в письменный стол, ко мне подбежала Нина Бочкова (ее вчера у гаражей не было) и сказала, испуганно дыша, чтобы я срочно дул за родителями.

— Что случилось-то? — поинтересовался я, хотя на самом деле было уже все равно.

Но она понятия не имела, только глаза ужасно таращила, бедняга.

...Как назло, была суббота — мои были дома.

То, что накопилось во мне за эти дни, куда-то вдруг исчезло. В голове бродили какие-то невзрачные мысли — ну вот, опять какая-то неприят-

ность, и все в таком роде. Я абсолютно, напроочь был уверен, что ТА ИСТОРИЯ уже кончилась...

— Ребята, — сказала Вера Антоновна. — Как вы знаете, мы начали переписку с зарубежными друзьями. Большинство из вас отнеслись к этому пионерскому заданию правильно и рассказали в письмах о своем классе, о пионерской дружбе, о своих родителях.

Я старался не смотреть на моих. Они чувствовали себя здесь, на первой парте, перед вдохновенной Верой Антоновной, просто ужасно. Тридцать человек не отрываясь смотрели им в спины.

— Но вот один мальчик!.. — Вера Антоновна поперхнулась от нескрываемого волнения. — Один мальчик решил написать письмо сам, не показывая его никому, даже совету отряда. Письмо случайно попало ко мне. И что же? Что написал этот мальчик?

Она вдруг остановилась и в упор посмотрела на мою маму.

— Вы принесли его с собой, Юлия Никитична? — сухо спросила она, как бы вполголоса, но так, чтобы все услышали.

Моя мама встала. Медленно подняла голову. И я увидел ее лицо, дрожащие губы.

— Нет, — сказала она. — Письмо я отправила.

Вера Антоновна побагровела.

— Прекрасно! — сказала она. — Мама Саша Быстрова решила сама отправить письмо адресату. Прекрасно! А ведь я дала вам его, Юлия Никитична, совсем не за этим.

— Я знаю... — тихо сказала мама.

— Ну что ж, ребята! Наши взрослые отношения вас не касаются. Но вот рассказать вам обо всем, что написал в письме Саша Быстров, я просто обязана...

С каждым словом Вера Антоновна становилась все спокойнее. Ее голос приобретал привычный ровный тон. Как всегда, она постукивала пальцем по журналу.

Я встал и вышел из класса. Передо мною медленно проплыло лицо Веры Антоновны и испуганное, окаменевшее — мамы.

...Отец нашел меня в туалете. Я пил воду. Помоему, я выпил очень много воды.

Было уже темно, когда мы вышли из школы.

Лил дождь, мама раскрыла зонтик, отец закурил под ним. Потом он выбросил сигарету и прижал меня к себе. Так мы дальше и пошли: мама, я и обнимающий меня отец.

Ровно через неделю мы получили письмо.

Когда я разрывал конверт, оттуда вывалилась цветная фотография.

С фотографии на нас смотрела девчонка с круглым лицом, черноволосая, с ясными глазами. Она улыбалась.

Буквы в письме были ровные, круглые, а между буквами пустые места — так, наверное, пишут первоклассники, поэтому первую его часть, несколько слов про нас и про меня, я прочел мгновенно.

Георгина писала:

«Дорогие ребята! Я очень рада вашему письму. Здорово, что теперь у меня есть друзья...

Саша! Большое спасибо тебе за откровенность. Ответить сразу на все твои вопросы я не смогу, но мне кажется, я тебя поняла.

ЖДУ ОТ ВАС ПИСЕМ...»

А дальше...

Последнюю фразу мне пришлось прочитать раз сто, а может, тысячу (ребята отдали мне письмо молча, без слов и ухмылок, будто так было решено заранее)... Потом я понял, что Георгина просто ошиблась, перепутала слова, она хотела написать что-нибудь вроде такого: «ЗАНИМАЮСЬ ПРЫЖКАМИ» — с трамплина или с вышки, в длину или высоту, выяснить это не удалось, потому что мы ей больше так и не написали, но сначала она меня так поразила, эта фраза, что я долго молчал и не мог ничего вымолвить от какого-то тайного страха и от восторга, переходящего в печаль, в нежность, черт его знает еще во что... «ИЗВИНИТЕ», — писала она, и буквы уменьшались, торопились, бежали куда-то в угол страницы, — ЧТО ТАК МАЛО НАПИСАЛА — ОПЯТЬ УЕЗЖАЮ НА ТРЕНИРОВКУ. — И вдруг буквы начали почти исчезать, не хватало бумаги или времени, и девочка писала последние слова очень быстро, волнуясь, что опоздает: — ОЧЕНЬ МНОГО ПОЛЕТОВ...»

КОНЕЦ

«Единство, творчество, красота» — под таким девизом в столице Болгарии с 10 по 20 июля 1988 года пройдет IV Международная детская ассамблея «Знамя мира». Отовсюду съедутся сюда юные поэты, художники, музыканты, спортсмены и изобретатели.

Конечно, на ассамблею, которая проводится раз в три года, всем желающим не попасть. И все же ее участником, правда, заочно, может стать каждый.

Ежемесячная газета
«Знамя мира» объявила
международный детский

«ЕДИНСТВО,
ТВОРЧЕСТВО,
КРАСОТА»

Все дети, любящие сочинять музыку, писать стихи и рассказы, рисовать и фотографировать, могут участвовать в этом конкурсе. Итоги подводят ежегодно в канун 1 июня — Международного дня защиты детей. Победители отмечаются дипломами, премиями творческих союзов, а авторы самых лучших произведений награждаются 15-дневной поездкой в творческо-экологический комплекс «Ропотамо» на берегу Черного моря.

Адрес, по которому надо направлять работы: Болгария, София, 1184, бульвар Ленина, 113 а, редакция газеты «Знамя мира». На конкурс «Единство, творчество, красота».

ЖЕЛАЕМ УСПЕХОВ!

Григорий КРУЖКОВ

Письмо в редакцию

Нижеподписавшийся
Волка повстречал.
Вышеупомянутый
Громко зарычал.
А вокруг все цветики —
Просто благодать.
По причине этого
Жалко пропадать.
Нижеподписавшийся
Крикнул: «Караул!»
И на полной скорости
К речке драпанул.
Вышеупомянутый,
Голодом томим,
В том же направлении
Кинулся за ним.
К счастью, тут охотничек
Мимо проходил,
Каковой впоследствии
Волка застрелил.
Нижеподписавшийся
Просит за спасение
Выразить охотничку
Это поздравление!

Дядя Жень

— Пойдем кратчайшим, дядя Жень?
— Кратчайшим — это как?
— Через окно, через плетень
И вниз, через овраг.

— А нет дороги поверней,
Чтоб в дверь да по мосту?
— Есть, дядя Жень, зато длинней
На целую версту!

— А этот твой кратчайший путь —
Опасный, может быть?
Нельзя там ногу подвернуть,
В болото угодить?

— Да нет, не бойтесь, дядя Жень!
— Ну, ладно, решено.
Пожалуй, я и сам из тех,
Что прыгают в окно.

Верблюд

В краю, где не встретишь ни рек, ни ручьев,
Под небом палящей лазури,
Где ветер над морем сычущих песков
Проносит песчаные бури,

Где коршун опустится, не долетев,
Где волк упадет и завоет,
Где желтый, измученный жаждою лев
Глаза безнадежно закроет,

В пустыне, где век не бывает дождя,
Где меркнет мираж в отдаленье,—
Шагает верблюд, как заклятье, твердя:
«Терпенье, терпенье, терпенье!»

Зеркала

В круглом зеркале морей,
В круглом зеркале небес
Рыбы — отраженья птиц,
Птицы — отраженья рыб.

В глубине зеленых вод
Светятся морские звезды —
Отраженья звезд ночных.

Отражения китов —
Облака плывут над морем,
Совершенно как киты,
Но фонтанчиками вниз.

Слетело с ветки яблоко...

Слетело с ветки яблоко,
А в нем сидел червяк.
Слетело с ветки яблоко,
Червяк подумал так:

«В чем дело? Что за новости?»

Пропал и верх и низ.
Да я же в невесомости!
Вот штука! Вот сюрприз!

Да я же в этом яблоке
Лечу по небу, как
В космическом кораблике!
(Сообразил червяк.)

Куда же мне придется?
Ведь космос так широк!
Большая есть Медведица,
И Рак, и Козерог.

Созвездья и галактики —
Как яблони в цвету.
Я воплощу на практике
Заветную мечту!

Какие испытания
Меня в полете ждут?
И хватит ли питания
На весь большой маршрут?

Не подведет ли рация?
И где приборы для...?
Вдруг — БУМС!!!

— Какая станция?
— Приехали! Земля.

Больше, чем было

Вот что сказал мне
старый поэт, охотник за рифмой:
«Стихотворенье нельзя придумать,
как ложь или хитрость.
Стихотворенье — кабан,
который бродит по лесу.
Стихотворенье — рыба,
которая плавает в море.
Его можно догнать,
подкараулить в засаде,
Его можно выудить
на крючок терпеливый,
Носом к носу встретить в кустах,
подобрать на счастливой тропинке.
А можно весь день
с сачком за ним прогоняться —
И вернуться с пустыми руками
и с большим аппетитом.
Впрочем, я не грущу
(добавил старый охотник).
Я не грущу,
ведь добыча моя не скудеет.
В зарослях слов
еще так много стихов незнакомых,
Что, если писать всю жизнь,
их останется больше, чем было».

СТРОЧКИ
ПОЭМЫ
РИФМЫ
СТИХИ

СЛЕТЕЛО

РЕБЯТА ТАКИЕ, КАК ТЫ

132

СТУПЕНЬКИ ВВЕРХ

Ада БЕЗБОРОВА

НА этот раз Севка ступеней не считал, рванул бегом наверх. Крутая лестница, винтовая. Вьются с ней вместе узкие перильца. Без них последние ступеньки вовсе не одолеть. И вот она наконец — башня!

В ней тесно. Не то чтобы повернуться негде — просто боязно задеть «светило», окольцованное медью и потому похожее на драгоценный камень в перстне.

«Светило» живет здесь, в башенке, и посылает далеко в море свой бессонный свет. Обыкновенное солнце может в любой час спрятаться за тучу, а то и совсем удрать за горизонт. А это, в башенке, не может, не имеет права погаснуть. Никогда.

Ради этого и живет тут отец Севки — смотритель маяка мыса Цып-Наволоок. «На краю света». Вот уже двадцать лет.

С ним вместе — Севкина мама. И старшая сестра Севки здесь выросла, и сам Севка тут родился. Только вот учиться едит далеко-далеко, в Мурманск, в интернат.

Весной — дожидаться не может, когда же на мыс, обратно. Летом бате нужен помощник: мать стала прихварывать. А так она была хоть куда — могла и за машинами присмотреть в дизельной, и по рации переговаривалась с кораблями.

...Высота ощущалась отсюда, из стеклянного купола, особенно остро: море казалось бесконечным. Белесое, в барашках, у берега и свинцово-тяжелое, ненастное, у горизонта. Но Севка знал уже, что с утра тут гадай не гадай, а с погодой ошибешься. Много раз за день переменится ветер, дождь налетит, а то и снег, выглянет озорно северное капризное солнце, утомонятся ненадолго гулкие удары прибоя.

Но уж очень суровой здешнюю погоду тоже не назовешь. Где-то там, дальше, мощно врывается в студеное море тепло Гольфстрима. И Севке всегда казалось, что если очень пристально посмотреть, то можно различить эти теплые волны. Они, наверное, похожи на темные, быстрые, гладкие спины разыгравшихся дельфинов.

Севка обошел тесную башенку. Так и кажется, кругом море, одно море! А полоска земли совсем узенькая. И на этой каменистой полоске несколько жилых построек, метеостанция — вот, пожалуй, и все хозяйство маяка.

До ближайшего города тут дальше, наверное, чем до полюса. Корабли мимо плывут, маленькие и большие, продрогшие и соскучившиеся по земле, а тут им маяк: «Привет, ребята! Внимательно смотрите — скалы! Я вам посвечу, а если туман — и погудеть могу. Я ту-у-ут! Я ту-у-ут!»

— Ге-эй, там, на небе! — крикнул отец снизу.

И Севка чуть не кубарем покатился, а верней, «свинтился» вниз. И опять ступенек не считал — кто же считает, когда спускается? Считают, когда поднимаются, пыхтят...

Наевшись пирогов с грибами, — а их тут, грибов, хоть косой коси, — Севка повалился на стожке сена, заготовленного для коровы Северной Пальмиры. А потом отправился посмотреть, чего поделывает батин ученик Проня.

Сева заглянул в дизельную, где ладно, согласно гудели машины, а потом отправился в радиорубку.

Проня, надев наушники, что-то быстро записывал в вахтенном журнале. Потом, через некоторое время, важно снял их, отложил журнал и спросил Севку тоном морского волка:

— Н-ну? Как полиморсое?

— Чего? — не понял Сева.

— Политико-моральное состояние?

Сева опять ничего не понял и поэтому спросил о другом:

— А что вообще-то полагается писать в вахтенном журнале?

